

Александра МАРИНИНА

Люди за спиной

Том II

Маски сброшены.
Но под ними новые лица.

Александра Маринина
Люди за спиной. Том 2
Серия «А. Маринина. Больше
чем детектив. Новая Эра»
Серия «Люди за спиной», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74305631

Маринина Александра. Люди за спиной. Том 2: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-252364-9

Аннотация

В частное детективное агентство «Власта», где работает Анастасия Каменская, обращается бывший театральный критик, а ныне «спутник для дам» Олег Шебалин. Его просьба весьма необычна: найти женщину; с которой он время от времени ходил в театр. А теперь она пропала. При этом неизвестны ни ее фамилия, ни адрес, ни телефон...

На первый взгляд странный, почти безнадежный заказ. И с чего бы этому театральному «жиголо» так беспокоиться о пропаже клиентки? Используя старые связи, Каменская выясняет: загадочная театралка вовсе не та, за кого себя выдает. Это женщина с чужой биографией и поддельными документами. И судьба ее связана с давней историей, унесшей жизни нескольких

человек. Но и это не все: на поверхность одна за другой всплывают новые смерти...

Александра Маринина

Люди за спиной. Том 2

© Маринина А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Тимур с таким восторгом вертел головой, обозревая деревянные домишки, мимо которых шла дорога на дачу к Игорю, что Настя всерьез опасалась за безопасность и свою, и арендованного автомобиля.

– Вот здесь просто супер! – приговаривал он. – И вот это я обязательно сниму, это вообще обалденно!

– Смотри на дорогу, пожалуйста, – то и дело просила Настя. – Тут сплошные колдобины и ямы, влетим в ремонт машины – мало нам не покажется.

Когда началась территория «новодела», она с облегчением перевела дух. Здесь и дорога была хорошей, и смотреть Тимуру не на что, сплошь высокие заборы, из-за которых виднелись верхушки деревьев и крыши кирпичных или деревянных коттеджей. Дачу Игоря тоже окружал забор с широкими въездными воротами и скромной калиткой.

– Вы идите, – сказал Тим, – а я поработаю, пока еще не стемнело.

– Закончишь – возвращайся, тебя покормят, а то ведь бегаешь голодным целый день.

– Угу, – кивнул он, но Настя не была уверена, что парень ее услышал и понял. По его лицу было件нятно, что он весь уже там, где стоят старые ветхие домики.

Калитка оказалась не заперта. Территория участка небольшая, почти вся занята двухэтажным домом, сложенным из бруса, посадок совсем мало, только плодовые кустарники и ни одного деревца. Настя сразу увидела Игоря и Володю Меренкова. Прокурор, одетый в серый спортивный костюм, колдовал над мангалом, Игорь чуть в стороне разговаривал с незнакомым молодым мужчиной. Заметив Настю, Игорь быстрыми шагами направился к ней.

– Как добрались?

– Нормально, не заблудились.

– А где ваш фотограф?

– Отправился фотографировать, как ему и положено. Вы были правы, Игорь, он как увидел старые домики – так обо всем забыл.

Незнакомый мужчина оказался оперативником из Ворошиловска. Настя поняла, что именно он и должен поделиться информацией об убитом Мезенине. Ей-то это нужно, спору нет, а вот зачем это молодому оперу, занимающемуся раскрытием убийства? Ситуация складывалась несколько неловкая и совсем непонятная. Какой нормальный опер начнет выкладывать первому встречному, да еще и гражданско-

му, подробности о текущей работе? Сроду такого не бывало! «Парень приехал в командировку собирать информацию о потерпевшем, Игорь как-то об этом узнал и специально пригласил его якобы в виде жеста гостеприимства, а на самом деле в надежде, что он при мне о чем-нибудь проболтается. Нехорошо выходит. То есть для меня-то, конечно, неплохо, а вот для этого Сергея...» – подумала она недовольно.

– Анастасия Павловна, Серега попросил меня пригласить вас, чтобы посоветоваться, – неожиданно заявил Игорь. – Он еще молодой, опыта в раскрытии убийств совсем мало.

– В общем, было бы хорошо, если бы вы подсказали, с чего начать, – перебил его Сергей. – Говорят, вы в этом деле профи. Тем более вы ведь тоже интересуетесь нашим убитым.

«Ошибка номер три, – удивленно сказала себе Настя. – Что это со мной? Неужели я так стремительно старею? Или история с этой Людмилой-Галиной настолько нестандартная, ни на что не похожая, что привычные шаблоны здесь не работают?»

– Давайте к столу! – закричал Меренков, поднимая руку с шампурами. – Все готово!

Дача, как выяснилось, принадлежала двум семьям. Построили ее родители Игоря еще до того, как Меренков женился на их дочери, теперь же финским домиком пользовались все вместе. Настя немного опасалась, что попадет на общий семейный сбор с женами и детьми, но, к ее облегчению, выяснилось, что больше никого не ждут.

– Дача в рабочий день – только для дела, – с усмешкой добавил Володя. – Посторонние уши нам не нужны.

Преодолеть неприязнь к шашлыкам Насте не удалось, она вежливо отказалась и налегла на салат из помидоров, огурцов и болгарского перца. А вот хлеб в Крюковске оказался ужасно вкусным, в Москве ей давно такой не попадался, пожалуй, с конца восьмидесятых. Мужчины выпили по рюмке водки, Настя поддержала тост «за знакомство» стаканом с соком.

Через полчаса ей стало очевидно, что в истории Вячеслава Мезенина больше вопросов, чем ответов. В кратком пересказе все получилось гладко, как поверхность зеркала, но стоило чуть-чуть углубиться в подробности, как возникали шероховатости и каверны.

– Вы брали в суде запрос на информацию по банковским счетам Мезенина? – спросила Настя.

– Брали. У него на счетах немного совсем. На жизнь хватало, но ничего сверхъестественного.

– А за более ранний период проверяли? До ареста в восемнадцатом году?

– Нет, – удивился Прокофьев. – А зачем? Какое это имеет значение, сколько у него было до того, как он сел? Важно, сколько у него было на момент убийства. Разве нет?

Настя покачала головой.

– Сережа, вы знаете, где умерла его мать?

– В доме престарелых.

– Вы там были?

– Да зачем? – снова удивился тот. – Она же умерла в двадцатом году, Мезенин еще сидел тогда.

– Но вы хотя бы адрес этого учреждения знаете?

– Вроде где-то в Спасском районе, – Сергей наморщил лоб. – Какая-то «Роща», то ли березовая, то ли сосновая.

– Дубовая?

– Во, точно! «Дубовая роща». А вы откуда знаете?

Настя усмехнулась. Откуда-откуда... Из интернета, откуда ж еще ей узнать.

– Вы хотя бы приблизительно представляете себе, сколько стоит пребывание в этом элитном пансионате?

Прокофьев вытаращил глаза.

– А он элитный?

– Очень даже. И весьма дорогой. Кто оплачивал эту роскошь для матери Мезенина? Сам Мезенин? Самозанятый, который не мог даже постоянную сиделку для матери нанять? Откуда деньги, Сережа? С банковского счета Мезенина или из другого источника?

Сергей с озадаченным видом покрутил в руках пустую рюмку.

– Вы думаете, он был подпольным миллионером, что ли?

– Я ничего не думаю, я задаю вопрос, потому что ответ на этот вопрос проливает свет на жизнь потерпевшего. Версию о спонтанном убийстве с целью грабежа вы отработали и отметили, остается личный мотив. Как вы собираетесь выявлять

этот личный мотив, если не разобрались полностью в жизни убитого? Сережа, не заставляйте меня рассказывать вам азбучные истины, вас же наверняка этому учили.

– Я и хочу разобраться с его связями, – вспыхнул Прокофьев. – Для этого и притащился сюда, завтра поеду в Спасск. А сегодня весь день болтался в институте, где учился Мезенин, собирал инфу.

– Разобраться со связями и разобраться с жизнью – не одно и то же, – мягко проговорила Настя. – Вы даже у него дома не побывали, квартиру не осмотрели, а жилище человека может очень многое рассказать о своем хозяине.

Она уже корила себя за невольно прорвавшийся менторский тон. Ну зачем она так? Чужой человек, она впервые его видит. Разве у нее есть право поучать? Он – сыщик при погонах и должности, знает свою работу, у него есть начальник, который дал ему задание. Куда она лезет?

– Извините меня, Сережа, – виновато сказала она. – Я хочу сказать, что начинать имеет смысл не со связей, а с образа жизни и с финансового положения, а от этого уже плясать дальше. В противном случае вы утонете в деталях, которые будут вам мешать и уводить в сторону от главного, вы потратите на них лишнее время и силы. Давайте сойдемся на том, что вам нужно начать с вопроса: как жил Мезенин до того, как совершил убийство? Кстати, а когда он его совершил?

Сергей нахмурился, вспоминая, потом полез в телефон.

– Какая разница, когда он его совершил, – пробормотал

он, тыкая пальцем в экран в поисках нужной справки, – важно, когда его арестовали, то есть до какого момента он гулял на свободе... Вот, нашел: шестнадцатое августа шестнадцатого года.

– А арестовали когда?

– Сентябрь восемнадцатого.

– Два года, – кивнула Настя. – Долгонько искали. Значит, дело приостановили, потом возобновили. Передали тому же следователю?

– Здесь две фамилии в справке, значит, другому, наверное.

– Так наверное или точно? – настойчиво спросила Настя. – Что сказано в вашей справке?

– Написано: следователь Следственного отдела Следственного комитета Шахрай, следователь Следственного управления Следственного комитета Бердников. Тут не указано, кто из них возбуждал, кто приостанавливал, кто возобновлял. Думаете, это тоже имеет значение?

– Не знаю, Сережа, – честно призналась Настя. – Но жизнь показывает: если в деле возникает хотя бы одно сомнительное место, нужно быть очень осторожным в выводах и проверять все подряд. Володя, – обратилась она к Меренкову, – я понимаю, что не могу просить вас организовать мне знакомство с делом. Но хотя бы справку о движении дела вы могли бы заказать?

– Это можно, – кивнул Меренков, который в разговор не

вмешивался, но внимательно слушал и, выполняя роль хозяина, то и дело подкладывал в тарелки Игорю и Сергею новые куски. — А вам-то это зачем? Пусть наш гость сам знакомится с делом, если решит последовать вашему совету. Правильно, Сережа?

По лицу Прокофьева было заметно, что правильным он предложение прокурора отнюдь не считает. Читать уголовное дело — тот еще геморрой, Настя Каменская знала это не понаслышке. Муторно даже для профессионала, каковым являлся, например, тот же Меренков, который обязан был читать дела по долгу службы. Судьи тоже не читают дело целиком, у них на это нет времени, спасибо еще, если прочтут хотя бы обвинительное заключение. Если кто и поднаторел в изучении материалов дела, то только, пожалуй, адвокаты, да и то лишь лучшие из них. Она вспомнила Петра Кравченко, журналиста, который собрался писать книгу по материалам старого дела. Как же он мучился, бедолага, пока Настя учила его и объясняла, что читать, как читать, что с чем сопоставлять и на что обращать внимание. Симпатичный мальчик из Ворошиловска не был похож на того, кто готов корпеть над толстыми томами с подшитыми документами. Да и кто готов из этого поколения? Короткие сообщения, короткие тексты, короткие ролики — вот их привычные источники информации, работать с длинными текстами они совсем не умеют, не приучены.

— Да брось, Вовец, — заговорил Игорь, дожевывая очеред-

ной сочный кусок баранины, – откуда у Сереги столько времени? Ему надо нынешнее убийство раскрывать, а не с прошлым возиться, сроки-то идут, их никто не отменял, начальство давит, следак требует результат, ну, сам знаешь, чего я тебе рассказываю. Запроси дело, пусть Анастасия Павловна у тебя в кабинете почитает, кому от этого вред? Серега пока в Спасск смотается, носом поводит, соберет информацию. Так же быстрее получится, если в четыре руки.

Настя уловила быстрый взгляд, которым обменялись Игорь и Сергей, и ей стало смешно. Разыграно как по нотам. Все понятно, ее собрались использовать в качестве дешевой рабочей силы. Приятно, конечно, что молодежь считает ее, пенсионерку в возрасте «шестьдесят плюс», еще пригодной для дела. Но жаль, что им нужны не ее опыт и знания, а всего лишь способность выполнять такую работу, которую им самим делать неохота.

– У меня тоже есть свое задание, – спокойно возразила она, – и у меня тоже начальник и сроки. Давайте начнем со справки о движении дела, а дальше будет видно.

Светлые сумерки как-то неожиданно превратились в темноту, и вскоре появился Тимур. Общение в формате «деловой ужин» мгновенно превратилось в веселое застолье, трое молодых мужчин примерно одного возраста и еще один, чуть постарше, быстро нашли общий язык.

Настя поднялась из-за стола. Она чувствовала себя лишней и ненужной.

– Тиму не наливайте, – сказала она, – ему еще машину вести.

– Ну как это, Анастасия Павловна! – возмутился Игорь. – Под такой шашлычок – и без рюмки? Оставайтесь ночевать, места всем хватит, а утром поедете в город.

Вот еще не хватало – ночевать здесь! Нет уж, спасибо.

– Ладно, – она безнадежно махнула рукой, – пусть выпьет, если захочет, сама сяду за руль.

– Давайте останемся, – попросил Тим. – Я бы утром еще поснимал. Утром свет будет интересный.

– Если захочешь – всегда сможешь вернуться, я тебя отпущу, – пообещала Настя.

Она накинула куртку, вышла на крыльцо, села на ступеньках, достала сигареты. С соседнего участка долетал легкий запах дымка, видимо, кто-то тоже решил воспользоваться хорошей погодой. Осень, теплые вечера случаются все реже, может быть, сегодняшний – последний в этом году. Откуда-то издалека доносятся голоса и музыка – то ли семейный праздник, то ли вечеринка.

Насте стало удивительно спокойно. Где-то веселятся, где-то просто ужинают после рабочего дня, в нескольких метрах от нее молодые мужчины едят шашлык, пьют крепкие напитки и бурно обсуждают преимущества одних моделей автомобилей перед другими. А она – словно на другой планете, ей не хочется ни веселья, ни обильной еды, ни алкогольной легкости, и ей совершенно все равно, чем отличаются ходовые

качества разных машин. То, что вокруг, — это жизнь, обычная, нормальная повседневная жизнь обычных людей. А сама она вне этой жизни. Так где же она, Анастасия Каменская? Она в каком-то своем мире, где больше всего ценится тишина и отсутствие физического движения. Она одна...

Или не одна? Послышались тяжелые шаги, рядом с ней уселся Меренков.

— Устали от Игорька? — спросил он понимающе. — Немудрено, он громкий, его всегда много. Меня обычно хватает минут на десять-пятнадцать.

— Зачем вы так? Он нормальный молодой опер. Я просто вышла покурить и подумать, — возразила Настя. — Володя, вы ведь уже работали здесь в восемнадцатом году?

— Да, я в Крюковске с пятнадцатого года. А что?

— Расскажите мне про взрыв, в котором погиб генерал Кудин.

Меренков помолчал.

— Рассказывать особо нечего. Собрались три руководителя, полицейский, прокурорский и судейский, пошли в баньку. Обычное дело, они были вась-вась, как говорится, имели общие деловые интересы. Ну, это как всюду. Вы насчет девочек и всего прочего интересуетесь?

— Пока нет. Что за банька?

— Генеральская. У Кудина был дом за городом, большой участок, он шикарную баню отгрохал, огромную, с бассейном. Отделка дорогим камнем, все такое. Допускал туда

только нужных людей.

– По какому случаю собрались? День рождения? Кто-то из присутствующих получил награду или повышение? Или они были настолько близкими друзьями, что им и повод был не нужен?

– Проверка тогда закончилась, комиссия уехала, вот Кудин и собрал вершушку на радостях.

– Проверка? – насторожилась Настя.

– Да, инспекторская, плановая, комиссия из МВД приезжала. Выводы по проверке сделали положительные, а это достойный повод отметить, сами понимаете.

– Понимаю, – кивнула она. – Дату помните? Хотя бы примерно.

– Да что примерно, я вам точно скажу, такое разве забудешь, – усмехнулся Меренков. – Двадцать третье октября восемнадцатого года.

– А тех двух следователей, о которых говорил Сергей, вы знали? Шахрай и Бердников, если я правильно запомнила.

– Не близко, но был знаком. Шахрай работал в Спасском районе, был совсем молодым и бестолковым, очень хотел много денег, работать не умел. Никто и не удивился, что он быстро уволился, на следствии проработал года полтора, если не меньше.

– А Бердников?

– О, этот – зубр! – В голосе Меренкова явственно слышалось уважение. – Опытный, грамотный. Кстати, был близким

другом Яскевича, отца Ульяны Дмитриевны. Ульяна как-то обмолвилась, что Бердников для нее был в профессиональном плане образцом, она у него училась следственным премудростям. После того взрыва Яскевича назначили начальником УВД, а Бердников где-то через пару месяцев пошел на повышение на уровень федерального округа.

– Получается, молодой неопытный Шахрай не смог раскрыть убийство, совершенное Мезениным в шестнадцатом году, и приостановил дело, потом через два года ваш зубр Бердников дело возобновил и довел до конца. Так?

– Выходит, так. Вас что-то смущает? – озабоченно спросил Меренков.

– Пока ничего, просто пытаюсь собрать картинку. А что случилось? Почему расследование возобновили? Поступила какая-то новая информация?

– Ну, это уж я не в курсе, – развел руками прокурор. – Надо дело читать.

– Вы же прокурор по надзору за следствием, – с улыбкой заметила Настя. – Неужели не читали?

– Так это было четыре года назад! Знаете, сколько документов мне приходится читать?

«Ага, и читаешь ты их по диагонали, да и то только первую и последнюю страницы, – мысленно ответила Настя. – Нет, я без претензий, я все понимаю».

– Справку сделаете? – спросила она.

– Сделаю. Завтра прямо с утра поручу кому-нибудь из

подчиненных, к вечеру получите.

Они вернулись в дом. Тимур рассказывал что-то смешное про поездку в Ирландию, Игорь и Сергей хохотали и одобрительно стучали кулаками по столу. Количество спиртного в бутылках заметно уменьшилось.

– Что, нам пора? – спросил Тим, увидев Настю.

– Пора, дружок, – ответила она. – Поблагодарим хозяев за гостеприимство и поедем.

– Да ладно вам, Анастасия Павловна, – взмолился Прокофьев, – пусть Тим дорасскажет, интересно, чем все кончилось.

Настя кивнула.

– Пять минут, Тим. Жду тебя на крыльце.

Меренков снова вышел вместе с ней.

– Вы точно не хотите остаться на ночь? Смотрите, как ребята разошлись, им хорошо, весело, зачем же портить им вечер.

– Володя, я уже не в том возрасте, чтобы ночевать в случайных местах, – мягко проговорила она. – Спасибо вам большое за приглашение, но – нет. Тим много выпил?

– На моих глазах – немного, а так – кто знает. Игорь любого трезвенника может уломать, так что не поручусь.

Из дома донесся новый взрыв хохота, через минуту на крыльце появился Тимур в сопровождении оперативников.

– Я готов. Если что – у меня в крови европейский стандарт, могу вести машину.

– Здесь не Европа, дружок, – усмехнулась Настя.

Они еще долго прощались у ворот, пытаясь договориться о дальнейшем сотрудничестве, но Насте казалось, что Игорь и Сергей, мягко говоря, несколько нетрезвы и моментально забывают все, о чем говорят.

Она села за руль и мысленно попросила глаза не подвести. Глаза не подвели, и до отеля они добрались благополучно.

* * *

«Я все делаю неправильно, – думала Настя, ворочаясь под одеялом и пытаясь найти самое удобное положение, в котором можно наконец заснуть. – Я начала с конца, вместо того чтобы вернуться к началу. Я никогда не пойму, куда могла уехать Сташевская, если не узнаю, почему она вообще уехала из Крюковска, от кого или от чего бежала. Тогда я смогу примерно представить, от кого она сбежала из Москвы. И только потом буду искать ответ: куда. Сама же всегда твердила и себе, и окружающим: ищи причину, причина всегда в самом начале и нередко довольно далеко от следствия».

Она встала, накинула на пижаму теплую кофту, присела за маленький рабочий столик. Пришлось снять ноутбук, чтобы освободить место для блокнота. Итак, 23 октября 2018 года начальник областного УВД генерал Кудин праздновал благополучное окончание инспекторской проверки. Сколько длится такая проверка? Раньше, когда Настя еще служила, –

примерно месяц. Она записала в блокноте первый вопрос: «Когда началась проверка?»

Пока нет точной даты, придется ориентироваться на примерные сроки. Допустим, месяц. Значит, во второй половине сентября 2018 года приехала комиссия. И в сентябре же Вячеслав Мезенин арестован по обвинению в убийстве, совершенном за два года до этого. Когда и почему возобновили следствие по нераскрытому преступлению? Это следующий вопрос.

Что в области с раскрываемостью тяжких преступлений? На этот показатель проверяющие смотрят в первую очередь. Предположим, в Крюковской области всегда была стопроцентная раскрываемость по тяжким. Этого быть не может ни теоретически, ни практически. Но – допустим. Тогда всяк по сто пятой статье портит всю картину, и вполне понятно, что его перед приездом комиссии попытаются перевести в раздел раскрытых. Напрягают все силы, задействуют лучших оперов в области, устраивают мозговой штурм, привлекают агентуру, короче, землю роют, чтобы так или иначе раскрыть убийство девушки в ночном клубе. Да нет, глупость полная. Так не бывает. Потому что ни у кого и никогда не бывает стопроцентной раскрываемости, и никто не станет из-под себя выпрыгивать, чтобы в статистике стало одним всяком меньше, если этих всяков и без того целая куча. Тем более дело самое обычное, не резонансное.

Настя попыталась вспомнить статистику, которую нака-

нуне ей показывал прокурор Меренков. Никаких ста процентов по общеуголовным преступлениям там и близко не было ни за один год из последних десяти. Так что нет никаких оснований уделять особое внимание обычному убийству. Вероятнее всего, поступила какая-то новая информация, которая позволила раскрыть преступление и установить виновного. Просто так совпало, что это случилось перед самой проверкой. Что сказал Сережа Прокофьев? Что Мезенин получил по приговору суда шесть лет лишения свободы, вышел через три года. То есть дали ему по минимуму, какой позволяла статья Уголовного кодекса. Почему? Такой хороший человек? Признал вину и раскаялся? Возможно. И даже очень возможно, что пришел с повинной. Это многое объясняет: и внезапное возобновление расследование, и минимальный срок.

Она записала очередной вопрос и поморщилась, снова вспомнив Петю Кравченко и дело Сокольников, которое он изучал. Там тоже была явка с повинной, а дальнейшее тщательное изучение дела показало, что не все так просто, как выглядело на первый взгляд. Неужели снова проявил себя закон парных случаев? «Ты опять уходишь в сторону, – сердито одернула себя Настя. – Сосредоточься уже на Галине Сташевской, а не на Мезенине. Что тебе этот Мезенин? Он был важен, чтобы выстроить разговор с Ульяной, но Ульяна тебе теперь вообще не нужна, личность пропавшей женщины установлена, и не имеет никакого значения, была ли эта

Сташевская знакома со следователем Яскевич или не была. Нет, стоп! Ульяна все еще нужна, потому что если она знакома с Галиной, то может знать, где ее искать. Вот черт, мысли начали разбредаться...»

Вернемся к Сташевской. Осенью восемнадцатого года она внезапно продает обе свои квартиры, увольняется с работы и уезжает. Коллеги в клинике ничего не знают о причинах такого решения. А кто может знать? Неизвестно. Идем дальше. Галина сдавала квартиру, полученную в дар. В момент принятия решения об отъезде в этой квартире кто-нибудь жил? Может быть, никто. А может быть, кто-то жил, и хозяйке пришлось объявить квартиросъемщику, что договор аренды досрочно расторгается. Такие заявления не делаются просто так, с бухты-барухты, они должны как-то объясняться. Нельзя прийти и сказать: выметайтесь отсюда, я передумала. Конечно, люди бывают всякими, в том числе и взбалмошными, и хамоватыми, и грубыми. Но в портрет Галины эти характеристики не вписываются. Значит, запишем следующие вопросы: «Кто снимал квартиру? Как Сташевская объяснила жильцу, что ему придется съехать?» Если объяснение было, то оно может пролить хоть какой-то свет.

Прямо с утра надо снова ехать на Октябрьскую улицу и... Настя не успела додумать мысль до конца, когда звякнул телефон. Сообщение от Тимура: «Зайду?» Это еще что? В два часа ночи? Почти сразу раздался стук в дверь, Тим не стал дожидаться ответа и просто явился. В шортах и футболке,

с взъерошенными вихрами и горящими глазами, он казался мальчишкой-подростком.

– Что-то случилось? – испуганно спросила Настя. – Как ты узнал, что я не сплю?

– Из вашего окна свет падает, я выглянул наружу и увидел.

– Да уж, – усмехнулась Настя. – Подумаешь, бином Ньютона.

– Чего? – переспросил он недоуменно.

– Ничего. Говорю, что сама могла бы догадаться. Так в чем дело-то? Чего ты примчался среди ночи?

– Смотрите, что я нашел!

Он с торжествующим видом показал ей экран планшета, который держал в руках. Фотография Ульяны Яскевич. Волосы распущены, густые рыжие кудри закрывают плечи, хороший макияж, подчеркивающий голубизну глаз и красивые пухлые губы.

– И что? – спросила Настя.

– Вы лучше спросите, где я это выкопал!

– И где же?

– На сайте знакомств!

Она ушам своим не поверила.

– Где?!

– На сайте знакомств. Прикиньте, такая вся серьезная, такая деловая, следовательно, а сама мужиков через сайт ищет. Только имя другое взяла. На сайте она Люция.

Настя вспомнила разговор с Варварой. Та один раз обмол-

вилась, назвала сестру Люлей. Ульяна – Люля – Люция. Ну да, логично. Но все равно невероятно. Нет, не может быть. Хотя... В этом деле все невероятно с самого начала. Олег Витальевич Шебалин с его страстью к посещениям театров, агентство «Марта», предоставляющее необычные услуги, таинственная Людмила, которая вовсе и не Людмила и живет по фальшивому паспорту, две очень похожие друг на друга сестры, отец которых продвинулся по службе, потому что его начальник погиб во время взрыва. Да любой факт, какой ни возьми, не укладывается в стандарт. Так почему бы следователю Ульяне Яскевич не поискать любовников на сайте знакомств?

Но если у Ульяны все так плохо с личной жизнью, то ничего удивительного, что она не задавала Мезенину никаких вопросов. Лишь бы был мужчина, это главное. Вопросы задают те, кто хочет узнать побольше, составить собственное представление о человеке и после этого принимать решение, поддерживать ли с ним отношения. Информация нужна для того, чтобы делать выбор. Если вопрос о выборе не стоит, то зачем информация? Только мозги и совесть отягощать.

– А ты-то что делал на этом сайте? – Настя с подозрением посмотрела на Тима. – Подружку искал?

– Не, подружку я нашел на «Избинге», а сюда полез конкретно за Ульяной, интересно стало.

– погоди, – она потрясла головой и подумала, что мозги отказываются соображать. – Что такое «Избинг»?

Тим усталился на нее в полном изумлении.

– А вы не знаете? Во время ковида многие ушли на фриланс. Люди ищут старые домики за городом, живут там и работают удаленно. Это ж намного дешевле, чем снимать городское жилье, получается почти даром. И прикольно: все старое, а кругом природа, выхлопом не воняет, простор, свобода. Короче, плюс вайб. Это называется «избинг», от слова «изба», если вы не поняли. Вчера я наснимал кучу избушек и решил зайти на местный сайт, початиться с народом, выложить фотки, рассказать, может, кому надо. Одна девчонка заинтересовалась, по-моему, очень классная, мы с ней уже договорились завтра встретиться.

– Понятно. А как тебе пришло в голову поискать Ульяну на сайте знакомств?

– А где еще? – Тим пожал плечами. – Вы сами сказали, что в соцсетях ее нет, им не разрешают заводить свои страницы. Человеку же нужно где-то знакомиться. Если по интересам, то на тематических сайтах, а если для секса, то на сайтах знакомств. Как иначе-то?

Действительно, как иначе? Настя мысленно хихикнула. Заводить романы на работе не комильфо, да и наружу выплывает быстро, зачем лишние сложности? Знакомиться на улице или в транспорте, в театре или на выставке, как это делалось когда-то? Вот именно что «когда-то». Жизнь стала другой, и люди стали другими. Для того чтобы познакомиться случайно в общественном месте, нужно иметь навык

говoreния, устного общения, внятного и располагающего к себе. Откуда этому навыку взяться у поколения Тима? Для них привычнее переписываться короткими фразами, заменяя описание эмоций и настроения смайликами и эмодзи.

Однако тот факт, что Ульяна Яскевич пользуется сайтом знакомств, говорит о ней самой очень многое. Тим – молодец. Ей, Насте, совершенно точно не пришло бы в голову искать Ульяну на подобных площадках. Она искала бы там кого угодно, только не следователя Следственного комитета, молодую привлекательную женщину с безупречной профессиональной репутацией.

– Хотите, я ее лайкну? Заведу аккаунт, прицеплю фотку, могу свою или кого скажете.

– Я подумаю, – медленно сказала Настя. – Может быть, может быть... Спасибо тебе, дружок, ты очень помог. Мне бы в голову не пришло, а ты сообразил. Завтра с утра отвезешь меня на Октябрьскую – и свободен до обеда, у меня там, скорее всего, будет много работы. Иди спать, выезжаем в девять.

– Понял, сваливаю, – весело откликнулся Тимур.

* * *

Насте Каменской снился странный сон. Она идет через джунгли, которые внешне выглядят как обычный лес, но она почему-то знает, что на самом деле это джунгли, полные

опасностей. Она не одна, она в длинной цепочке людей, часть из них впереди, часть – сзади. Кругом темно, ей виден только впереди идущий, и она внимательно смотрит, как он идет, куда ступает, какие ветки осторожно отводит рукой. Ей нужно обязательно замечать, где этот человек оступился, о какие кусты поцарапался, в каком месте шарахнулся от змеи. Если она не будет внимательна и не заметит трудных для прохода мест, то непременно попадет в беду.

Она знает, что тот, кто идет позади, тоже смотрит на нее и наблюдает, как она пробирается через заросли. Ее задача – пройти наиболее безопасной тропой, показав идущему следом надежный путь и обозначив трудные или опасные места. Она попадает одной ногой в трясину, ее в первый момент охватывает ужас, но прямо над головой она видит спасительную толстую ветку, хватается за нее, вытаскивает ногу, которую уже засосало почти по колено. Она понимает, что должна обозначить это место, чтобы идущий сзади точно его увидел и запомнил: если сделает неудачный шаг – вот здесь надежная ветка, лучше взяться за нее заранее, когда будет проходить. Но она боится, что в темноте тот, кто за спиной, может не увидеть, что она делает. Она не знает, кто это, мужчина или женщина, не знает, какого возраста, но отчетливо осознает свою ответственность: она идет впереди и должна показать дорогу и предупредить об опасности, а если с идущим сзади случится беда, это будет ее вина. Она оборачивается, чтобы убедиться: он все увидел и все понял.

А сзади никого нет. Она слышит приближающиеся шаги, но человека не видит и понимает, что тот еще далеко. «Я не имею права останавливаться и ждать, — думает она с ужасом, — потому что потеряю из виду тех, кто впереди. Но если идущий сзади меня не видит, он обязательно попадет в болото и погибнет. Что же делать?»

Ей очень страшно, она в отчаянии, не может принять решение. Она еще видит того, кто шел впереди. Или ей только кажется, что видит? А того, кто идет сзади, все нет и нет. Она стоит рядом с болотистым местом в полной растерянности. И принимает решение ждать. «Все равно я уже старая, — проносится в ее голове. — Все думают, что мне шестьдесят два, так написано в моем паспорте, но я-то знаю, что паспорт фальшивый, у меня есть еще один, тоже поддельный, в нем написано, что мне семьдесят пять. И только одна я знаю правду: мне скоро девяносто. Даже если я потом не смогу выбраться из этих джунглей, потеря невелика, от меня уже мало толку. Зато я дождусь того, кто идет следом, предупрежу, покажу ему безопасный путь».

Ей кажется, что она стоит очень долго. Наконец из темноты появляется неясная фигура. Непонятно, кто это, мужчина или женщина, но она откуда-то знает, что этот человек очень молод. По очертаниям угадываются наушники на голове, широкие штаны и свободная «кенгурушка» полностью скрадывают фигуру.

Нужно окликнуть его. Или ее? Окликнуть, привлечь вни-

мание, показать опасное место и спасительную ветку и быстро догонять впереди идущего, его еще видно. Она может успеть, и все будет хорошо.

Она напрягает глотку, пытаясь выдать громкий звук, но изо рта вырывается только невнятное шипение. Тот, кто шел следом, идет беззаботной походкой и вдруг сворачивает в сторону. «Это не тот, кто шел сзади, – думает она удивленно. – Это какой-то случайный человек». Она смотрит ему вслед и вдруг видит залитую светом поляну, широкую, сухую, безопасную. И внезапно понимает, что совсем не обязательно идти через темные джунгли. Можно идти иначе и ничем не рисковать. «Нужно пройти через поляну, догнать своих, тех, что идут впереди, рассказать им про удобный легкий путь», – говорит себе та Настя, которая живет во сне.

Бегом через поляну, вот она уже догоняет человека в наушниках, пытается с ним заговорить, но он не слышит. Она бежит дальше. Быстрее, быстрее, надо успеть предупредить тех, кто впереди... Внезапно приходит странная мысль: «Зачем их предупреждать? Они уже прошли эту часть, больше они здесь все равно не пойдут. Я тороплюсь донести информацию, которая никому не нужна». Дышать становится все труднее, она уже задыхается. Останавливается на противоположном краю поляны и видит, что это то же самое место, с которого когда-то начинался весь путь. Как же так? Ведь они шли цепью так долго, преодолевали столько трудностей, спотыкались, падали, ранились, а оказывается, можно было

всего-навсего перейти красивую светлую поляну. Без напряжения, без риска, без синяков и ушибов. Почему им никто этого не сказал? Неужели никто не знал? Но ведь этот парень (или девушка, она так и не поняла) откуда-то знал про легкий быстрый путь.

Она оборачивается и видит, что поляна заполнена молодыми людьми, которые танцуют под музыку, что-то пьют из жестяных банок, весело смеются. И вместе с ними в толпе те, кто еще совсем недавно шел впереди.

Как же так? Выходит, они тоже знали? Для чего тогда был этот трудный рискованный путь через джунгли? В нем нет ни смысла, ни пользы...

* * *

«Ни смысла, ни пользы», — сказала себе проснувшаяся Настя Каменская. Вот же фокусы порой выкидывает подсознание, пока сознание отдыхает!

Быстро в душ, вымыть голову, достать фен, уложить волосы не так, как обычно. Где-то в косметичке была помада жуткого цвета. То есть цвет-то сам по себе был модным, но Насте совершенно не шел. На лицо наложить побольше пудры, чтобы мелкие морщинки, почти незаметные на чистой коже, стали хорошо видны.

К завтраку она спустилась позже, чем планировала, поэтому быстро впахнула в себя пшеничную кашу со свежей ма-

линой и голубикой и ровно в девять вышла из отеля. Тимур сидел в машине уткнувшись в телефон.

– Уже знаешь, где будешь сегодня снимать? – спросила она, усаживаясь на пассажирское место.

– Угу, – промычал Тим. – Мне одно местечко подсказали, называется «Подвал». Говорят, там полный совок. Но я еще не определился, может, поеду избушки поснимаю, если подруга не передумала.

Он завел двигатель.

– Ну что, на Октябрьскую? Я уже навигатор настроил.

– Ты хороший помощник, – улыбнулась Настя. – Не опаздываешь, помнишь, о чем договариваемся.

– Меня Дик выдрессировал, – хмыкнул Тим. – Он мне платит за то, чтобы я был хорошим помощником.

– Но это ведь не профессия, – осторожно заметила она.

Ей с самого начала их знакомства хотелось спросить, как Тимур видит свою жизнь после того, как Уайли не станет. А этот день, судя по всему, не за горами. Ну год, ну три. А дальше что?

– Зачем мне профессия? Мне нужна будет работа, а не профессия, я ж не собираюсь строить карьеру. Причем такая работа, чтобы можно было полгодика попахать, немножко накопить, потом полгода ездить, мир смотреть, радоваться жизни. А уж работу-то я себе всегда найду где угодно. Аппаратура есть, компом владею, английский и голландский языки – свободно, немецкий на бытовом уровне, если надо,

еще какой-нибудь освою. Не пропаду.

Они остановились на перекрестке, пережидая красный свет. Тим повернулся к Насте, внимательно оглядел и приподнял брови.

– Как-то странно вы выглядите, – проговорил он. – Вчера была такая моднявая дамочка, практически милфа, а сегодня...

– Что – сегодня? – поддела его Настя. – Тетка с завалинки?

– Ну я не очень в курсе, какие на завалинке тетки, – рассмеялся Тимур. – Но с вами явно что-то не то.

– Дружок, вчера я была деловой женщиной, а сегодня мне нужно побыть немолодой сплетницей, любительницей сунуть нос в чужие дела и с удовольствием их пообсуждать с первым встречным.

– А-а, – протянул он. – Понял. Для этого обязательно было уродовать лицо? Разве сплетницы как-то одинаково выглядят?

– Конечно нет. Но мне нужно настроиться, а для этого надо выглядеть определенным образом. Я же не профессиональная актриса. Настоящий актер может войти в образ в любой одежде и в любой обстановке. А я – так, погулять вышла. Если я знаю, что плохо выгляжу, накрашена неправильно, причесана не к лицу, мне легче строить из себя любопытную, злобную и завистливую.

Всю дорогу до Октябрьской улицы Настя ругала себя за совершенные накануне промахи. Что толку от ее измененно-

го облика, если старшая по дому уже всем рассказала, что частный детектив из Москвы расспрашивает о Галине Сташевской? Надо было еще вчера сделать то, что она собиралась проделать сегодня. Надо было вчера сообразить. А она не додумалась вовремя. Реакция замедляется, что ли? Или она никак не может перестроить мышление со стандартных схем на новые? Ведь поняла уже, что шаблоны в нынешнем деле не годятся, а все равно пытается идти проторенной дорогой.

Мысль о проторенной дороге вернула Настю к минувшей ночи и к странному сну. Люди за спиной, перед которыми она чувствует ответственность и которые на самом деле не нуждаются в ее помощи и поддержке. Короткий путь через хорошо освещенную поляну вместо длинного трудного пути через джунгли. А что, если случится природный катаклизм, поляну затопит или она зарастет непроходимым кустарником? Или перестанет быть освещенной? Или на ее месте что-нибудь построят и обнесут высоченным забором с колючей проволокой? Тогда придется снова идти через джунгли, но впереди уже никого не будет, и не на кого будет смотреть и учитывать опасные места и способы их обхода.

Она помнила, как сама боялась своих первых шагов в профессии, смотрела на дядю Назара – самого старшего по возрасту и самого опытного сыщика в «убойном» отделе МУ-Ра, училась у него, задавала массу вопросов, все записывала, опасаясь потерять хотя бы крупицу полезной информации.

Другим Настинным наставником был Гордеев, начальник отдела, забравший ее из учетной группы в одном из райотделов столицы. Эти люди шли впереди, обозначая трудные повороты и показывая, что надо делать, чтобы не упасть и не разбиться. Когда Настя сама уже кое-чему научилась, в отдел пришел Миша Доценко, он был моложе и стал для нее человеком за спиной, а она для него – идущим впереди. Так она и прожила все годы, пока служила: ощущала себя человеком, который должен учитывать опыт тех, кто впереди, и делиться опытом с теми, кто идет следом. За спиной всегда кто-то есть, в этом твоя ответственность, но и твоя опора: если совершишь ошибку и упадешь, они догонят и помогут подняться, они не подведут, потому что многому научились, пока шли за тобой.

Володя Меренков, которого она учила, но, как выяснилось, ничему так и не научила. Сережа Прокофьев, который вообще плохо представляет, как надо работать и с какого конца браться за дело. Перед ними никто не шел, никто не передал им опыт, потому что теперь никто подолгу не работает ни в розыске, ни в следствии. Нынешним молодым не у кого учиться, и сами они тоже никого не научат, потому что на своей работе не задержатся. Цепь распалась. Каждый сам по себе, и никого нет ни впереди, ни за спиной.

Квартира, которую когда-то получила в дар и сдавала Галя Сташевская, находилась в первом подъезде на втором этаже. Настя, осознав сделанную накануне ошибку, ни на что особо не рассчитывала, понимая, что если старшая по дому всем раззвонила об их разговоре, то имидж злорадной сплетницы все равно не поможет. Но, кажется, полоса неудач закончилась: ей повезло с первой же попытки.

Милейшая старушка Надежда Игнатьевна была вовсе не из тех, кто все про всех знает, на улицу почти не выходила, зато обладала недюжинной подозрительностью.

— Я и новости читаю каждый день, и сериалы смотрю, — сказала она. — Те, кто снимает квартиры, у меня всегда на подозрении. Так что я за жильцами из той квартиры присматривала, чтобы если что — сразу участковому сообщить. Галю я хорошо помню, она к Светлане Петровне каждый день ходила, уколы ставила, продукты и лекарства ей носила, уборку делала, даже выводила погулять, если Петровна себя лучше чувствовала. А когда Галя начала квартиру сдавать, мне стало беспокойно. Мало ли какие люди поселятся, может, бордель там устроят или еще какое-нибудь безобразие. Или поселится какой-нибудь киллер или террорист. Так что я всегда была настороже. Теперь-то стало хорошо, Галя продала квартиру, там живет такая же бабуля, как я, мы с ней

друг к другу в гости ходим. А куда нам с ней еще ходить? Ноги уже почти не держат.

В этом была немалая доля кокетства: насколько Настя успела заметить, в свои восемьдесят с гаком передвигалась Надежда Игнатьевна вполне бодро.

– Ваши опасения оправдались? – с интересом спросила она. – Среди жильцов бывали сомнительные личности?

– Слава богу, нет, – уверенно ответила старушка. – Да их и было не так много, Галя сдавала не посуточно, а на долгий срок. Семейная пара с маленьким ребенком больше двух лет жила. Девочка еще была, студентка, приехала откуда-то из области, училась в институте, тоже примерно год здесь прожила. Вот за ней я пристально следила, молодежь сейчас сами знаете какая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.